

*И. В. Соловей,
кандидат философских наук,
Удмуртский государственный
университет (Россия)*

ОБЪЕКТИВАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО БЫТИЯ В ЖИЗНИ «АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ МАШИНЫ»

Антропологическая концепция бытия выстраивается через различие человеческого и животного. Понимание человеческой природы базируется на понятии «человек» как *animal rationale*. Среди живых существ отличительной чертой животности человека, которая вносит различие между человеком и животным, становится «ratio». Если животные являются не-разумными живыми существами, то человек – существом, обладающим разумом. В свою очередь, дефиниция человека как «разумного существа» происходит из греческой философии, в которой видовым отличием собственно человеческого бытия является βίος πολιτικός. В греческой философии политическое бытие сводится к общению, в процессе которого человек предьявляет самого себя в качестве «живого существа, обладающего логосом» (ζ ον λόγον χον). «Это общение, – пишет Аристотель, – и называется государством или общением политическим» [2, с. 22]. В греческой интерпретации λογος означает язык, различающий человека, отделяющий его от животного и божества. «Тот, кто не способен вступить в общение, – пишет Аристотель, – или, считая себя существом самодовлеющим, не чувствует потребности ни в чем, уже не составляет элемента государства, становясь либо животным, либо божеством» [2, с. 25]. В римский период перевод аристотелевского определения человека как «живого существа, обладающего логосом», на латинский язык приводит к тому, что ζ ον λόγον χον воссоздается как *animal rationale*. Человеческая рациональность предьявляется в технологиях государственного управления обществом. Политическое бытие предельно рационализируется. Греческое βίος πολιτικός начинает трактоваться буквально как «биополитика» или «политика жизни».

Биополитическая практика управления жизнью общества развивается в двух основных направлениях – регулирования жизни населения и дисциплины тела (М. Фуко). Организация жизни населения центрирована вокруг природного тела рода, которое служит основой контроля над биологическими процессами

размножения, рождаемости и смертности, уровня здоровья, продолжительности жизни и долголетия. Вмешательство и регулирующие способы контроля над телом рода реализуются *биополитикой народонаселения*. Биополитика народонаселения, обращенная в сторону процессов жизни населения, направлена на установление такого порядка жизни, который способствует сохранению и усилению власти государства. Медицинские и образовательные инвестиции государства в тело рода увеличивают его силу. В данном случае уменьшение детской смертности и увеличение продолжительности жизни населения становятся показателем уровня заботы государства о проживающем населении. Государство заботится о теле рода исключительно для поддержания самого себя как некой «био-власти», изнутри регулирующей жизнь общества как некоего «социального тела».

Степень проницаемости власти в «социальное тело» определяется мерой управляемости телом рода на уровне тела индивида. Дисциплинарный контроль над телом индивида как политическая технология составляет суть *анатомополитики человеческого тела*, включающей тело индивида в структуру политической власти (М. Фуко). Формируется дисциплина тела как особая политическая технология, включающая в себя индивида одновременно как тело производительное и тело подчиненное. Дисциплинарная власть осуществляет захват тела индивида на уровне детального контроля над жизнью тела, то есть она проникает в каждую часть тела. Техники телесной муштры производят послушное в своих мельчайших частях тело индивида, существование которого определяется мерой полезности для государства. Дисциплинарный контроль навязывает определенного рода соотношение между жестом и общим положением тела, которое должно способствовать увеличению экономической эффективности жизни тела. Чем более послушным становится тело индивида, тем более эффективной является жизнь тела и тем более полезным такое тело оказывается для государства. Дисциплинарные техники контроля-принуждения доводят жизнь тела индивида до автоматизма привычки. Требование дисциплинарной власти жить определенным образом переходит на бессознательный/неосознаваемый уровень жизни общества, где обнаруживается уровень предельной субъективности.

На пределе субъективности человек как языковое существо становится видом «антропологической машины». «Антропологическая машина» существует как рациональный

механизм, включающий все живое в технологический процесс производства жизни. Процесс производства жизни становится технической процедурой, которая обеспечивается за счет процесса совершенствования технологий жизни. Технология жизни «антропологической машины» является предельно рационализированным процессом, доведенным до автоматизма. В жизни «антропологической машины» отношение человеческое/не-человеческое обнаруживается через точку «нулевой» социальной субъективности, которая предъясняется как социальное тело индивида.

Политика жизни, или биополитика, обесмысливает политическое бытие в пространстве социальной субъективности. Если у Аристотеля человек определялся как «живое существо» (ζ $\sigma\nu$ $\rho\omicron\lambda\iota\tau\iota\kappa\omicron\nu$), способное к политическому существованию, то современный человек, утративший базисное право распоряжаться собственной жизнью, становится животным, в политике которого его сущность как «живого существа, обладающего логосом», ставится под вопрос. На пределе субъективности $\beta\iota\omicron\varsigma$ сводится к понятию zoe , которым обозначается простой факт существования, общий для всех живых существ (Дж. Агамбен).

Предельным воплощением zoe становится тело «коматозника-запредельщика». Здесь речь идет не о естественном теле, а о предельном воплощении $homo\ sacer$, сохраняющем неопределенный статус человека. Тело «коматозника-запредельщика» утратило реактивные жизненные функции – сознание, движение, чувствительность и рефлексы. Полному прекращению реактивных жизненных функций здесь соответствует столь же полное прекращение вегетативных жизненных функций – дыхания, кровообращения, терморегуляции. Возникает парадоксальная форма жизни, имеющая место после прекращения всех жизненных функций. Жизнь тела сводится к совокупности функций, чьей целью больше не является жизнь организма. Социальные функции жизни предъясняются через тело, которое не способно выполнить ни одной жизненной функции.

Сущность существования «коматозника-запредельщика» определяется состоянием «мозговой смерти», то есть «коматозник-запредельщик» существует, не приходя в сознание. Тело как бы еще живет, поддерживаемое аппаратами искусственных функций организма, но мозг его «уже» умер. Жизнь такого тела задается через способность организма быть источником донорских органов,

то есть становится своего рода резервуаром органов для пересадки, всех – кроме мозга. В промежуточной, «сумеречной», зоне между жизнью и смертью предьявляется в чистом виде «голая жизнь» тела. В пространстве неопределенности «коматозник-запредельщик» существует в состоянии «новомертвого» (У. Гейлин) и «лже-живого» (Ф. Дагонье). «Реанимационный бокс, – пишет Дж. Агамбен, – в котором колеблются между жизнью и смертью “новомертвый”, “запредельная кома” и “псевдоживой”, являет собой пространство исключения, где голая жизнь предстает как таковая, впервые полностью контролируемая человеком и его технологиями» [1, с. 209]. В состоянии неопределенности между жизнью и смертью тело «коматозника-запредельщика» представляет собой пространство «исключения», в котором жизнь больше не является политически значимой, а значит, оказывается бессмысленной жизнью или жизнью, «недостойной быть прожитой» (Дж. Агамбен).

Номо sacer не отсылает больше ни к животному, ни к человеку, но только к самому себе как состоянию «чистого» бытия, которое совпадает с греческим понятием *haplos*, выражающим изоляцию «голой жизни» в пространстве политики. В состоянии «чистого» бытия *homo sacer* манифестирует отсутствие как природного, или животного, обусловленного инстинктом жизни, так и человеческого начала, отсылающего к состоянию человеческой рациональности. Здесь *homo sacer* как персонифицируемый «нулевой индивид», переживший человека, становится «человеком вообще», который больше никогда не сможет стать животным. Фигура *homo sacer* демонстрирует исчерпанность антропологической трактовки человеческого бытия. *Homo sacer* как пограничная фигура представляет собой «чистое» понятие языка, обозначающее зону «чрезвычайного положения», объявляющего, что положения вне языка не существует.

1. Агамбен, Дж. Номо sacer. Суверенная власть и голая жизнь / Дж. Агамбен. – М. : Европа, 2011. – 256 с.

2. Аристотель. Политика: пер. с древнегреч. / Аристотель. – М. : АСТ : Астрель, 2012. – С. 21–290.